

На правах рукописи

Гусева Светлана Викторовна

**Жанровое своеобразие романа К. Рейтера
«Шельмуфский» в контексте западноевропейской
народной смеховой культуры**

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(немецкая)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2013

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Шарыпина Татьяна Александровна

Официальные оппоненты: **Цветков Юрий Леонидович,**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», профессор кафедры зарубежной литературы;
Шевченко Елена Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», доцент
кафедры зарубежной литературы.

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»

Защита состоится «18» сентября 2013 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.02 в ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского» по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова И.С.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Кристиан Рейтер (Christian Reuter, 1665 – после 1712) – немецкий писатель, начавший свою литературную деятельность в конце XVII в. Творчество К. Рейтера представляет собой синтез различных культурных и литературных традиций, что обусловило жанровые особенности его романа «Шельмуфский» („Schelmuffsky“) и своеобразие образа главного героя.

Писательская карьера К. Рейтера началась тогда, когда в «литературе сложилась тенденция к созданию слащавых и льстивых [прециозных – С. Г.] произведений, посвященных придворной публике, но К. Рейтер стал показательным примером в оформлении новой литературной тематики»¹. Долгое время К. Рейтер считался автором «второго» ряда. Вплоть до конца XIX в. роман «Шельмуфский» числился анонимным, и его художественное своеобразие не интересовало критиков.

Необходимо отметить, что роман К. Рейтера связан с традициями западноевропейской народной смеховой культуры: поэтикой средневекового карнавала и немецкой «литературы о глупцах», так называемой «дурацкой литературы». Кроме того, автор при написании своего сочинения брал за образец сюжетно-композиционные особенности испанской пикарески. В литературном сознании Германии конца XVII в. важная роль отводилась композиционной структуре произведения, сочинять было модно по определенным образцам. Данного влияния не избежал и К. Рейтер, поэтому мы можем говорить не только о новаторстве, но и об определенной художественной преемственности в творчестве писателя.

Степень изученности темы. Немецкие романы конца XVII в., в частности произведение К. Рейтера «Шельмуфский», нечасто привлекали внимание литературоведов. До 20-х гг. XX в. этот период истории немецкой литературы почти полностью исчез из поля зрения исследователей.

В эпоху немецкого романтизма, характеризующуюся интересом к забытым памятникам национальной литературы, писатели вспоминают о романах К. Рейтера «Шельмуфский» и Г.Я.К. Гриммельсгаузена «Симплициссимус» (J. N. Grimmelshausen „Simplicissimus“, 1668), написанных во второй половине XVII в. Немецкие романтики восхищались романом «Шельмуфский» и делали попытки определить авторство, но безуспешно. Их интересовали содержание романа и образ главного героя, но сам роман и его жанровое своеобразие не становились предметом научного исследования.

В 1866 г. появляется диссертация Л. Холевиуса, в которой ученый пересказывает содержание некоторых романов этого периода, цитируя из «Шельмуфского» несколько текстовых фрагментов. В конце XIX в. немецкий исследователь Ф. Бобертаг в своей монографии, посвященной романам конца XVII столетия, приходит к выводу, что эти

¹ Jäckel G. Einleitung // Reuter Chr. Werke. Weimar. 1962. Bd. 1. S. 1.

романы, в том числе анонимный «Шельмуфский», не имеют никакой художественной ценности и не могут претендовать на глубокое исследование. Долгое время точка зрения Ф. Бобертага оставалась авторитетной.

Совершенно незамеченными остались исследования Т. Германна и Э. Веллера по поводу романа «Шельмуфский». В 1855 г. Т. Германн в статье «Литературные бои и сатиры в XVII столетии» впервые расшифровал имя автора произведения с псевдонимом Хилариус. В 1858 г. Э. Веллер доказал, что автор «Шельмуфского» – Кристиан Рейтер.

Но основная заслуга в открытии имени автора романа «Шельмуфский» принадлежит лейпцигскому германисту Ф. Царнке. Он сопоставил лейпцигские архивы, ранние комедии и поздние произведения К. Рейтера и в 1884 г. опубликовал исследование „Christian Reuter. Der Verfasser des Schelmuffsky. Seine Leben und seine Werke“. Ф. Царнке волновали более частные проблемы творчества К. Рейтера, нашедшие отражение в анализе отдельных произведений писателя. В приложении к своему исследованию Ф. Царнке привел полный перечень произведений писателя до 1884 г., указывая 8 различных изданий романа «Шельмуфский», два из которых вышли в свет при жизни К. Рейтера.

После изучения Ф. Царнке романа «Шельмуфский» интерес к данному произведению заключался в основном в его многочисленных переизданиях (на сегодняшний день известно свыше сорока переизданий романа различными издательствами). Научных же изысканий, посвященных творчеству К. Рейтера, было предпринято немного – написана одна диссертация (1911 г.) немецким филологом Й. Риссе, посвященная разбору и краткому анализу романа «Шельмуфский». Диссертант анализирует связь творчества К. Рейтера с немецкими поэтами конца XVII в., период лейпцигского творчества писателя, уделяет внимание проблемам влияния произведений К. Рейтера на немецкую литературу XVII–XIX вв.

В 20-е гг. XX столетия у немецких литературоведов наблюдается интерес к литературе конца XVII в., но основное внимание исследователей сосредоточивается на поэзии и драме. Появляется несколько общих работ по изучению немецких романов данного периода. Г. Мюллер, Г. Борхердт, Э. Кон рассматривали эти романы (в том числе роман К. Рейтера «Шельмуфский») как произведения, обладающие признаками упадка и разложения и не имеющие «жизненной силы».

В 30-е гг. XX в. немецкий исследователь А. Хирш, работая с материалом анонимных романов конца XVII в. (в их числе была и книга К. Рейтера «Шельмуфский»), приходит к выводу о том, что роман «Шельмуфский» – прародитель романа эпохи Просвещения. Главной идеей книги автор считает сатиру на мещан (Шельмуфский и его семья), пытающихся соответствовать уровню аристократов.

Особое внимание произведению К. Рейтера немецкие литературоведы уделяют с 50-х годов XX в., в учебных изданиях по немецкой литературе XVII столетия и периодических научных журналах появляются главы, посвященные роману К. Рейтера. Исследователи анализируют произведение в различных аспектах. Так, К. Тобер обращает внимание на вопросы, связанные со сравнением редакций, анализирует художественное своеобразие и стилистику текста. В. Гехт в своей работе «Кристиан Рейтер» анализирует роман писателя и сравнивает его творчество с произведениями «прециозных» поэтов конца XVII в. По мнению В. Гехта, роман «Шельмуфский» задуман как пародия на галантные романы о приключениях с их обязательным набором особых художественных приемов.

В 70–90 гг. XX в. в немецком литературоведении также появляются статьи, посвященные анализу романа К. Рейтера. Ученые стремятся рассмотреть данное произведение с позиций, которые наиболее интересны на современном этапе развития филологических наук. Так, К. Д. Мюллер, изучая роман К. Рейтера, пытается доказать, что это произведение имеет не традиционный стиль повествования, который писатель унаследовал из немецкой литературы о лгунах, а принципиально новый, авторский, основанный на оригинальности мышления К. Рейтера. Ученый анализирует своеобразное словотворчество Шельмуфского. Работа К. Д. Мюллера носит не литературоведческий, а языковедческий характер. Автор обходит своим вниманием вопросы, связанные с художественным своеобразием произведения и главного героя.

И. У. Фехнер в работе «Маски и метаморфозы Шельмуфского. Новые исследовательские аспекты К. Рейтера» рассматривает образ Шельмуфского как носителя определенных масок: лжеца, шута, дурака и т. д. Автор прослеживает эволюцию образа, начиная с комедий К. Рейтера. В романе герой Шельмуфский, по мнению И. У. Фехнера, – носитель социальной маски. Й. А. Ельсаги в статье «Шельмуфский как глупый Одиссей» сравнивает путешествия Шельмуфского со скитаниями Одиссея. Ученый называет немецкого героя глупцом, придумавшим свой мир путешествий. Автор статьи затрагивает вопросы, связанные с «дурацкой» сущностью персонажа К. Рейтера.

В отечественном литературоведении творчество К. Рейтера изучено недостаточно. Произведению «Шельмуфский» посвящено немного работ, в основном публикуются отдельные статьи в изданиях по немецкой литературе².

Российские литературоведы до 70-х гг. XX в. не имели возможности познакомиться с романом «Шельмуфский» на русском языке, исключением являлся отрывок, напечатанный в хрестоматии по западноевропейской литературе XVII в. В 1972 г. в серии «Литературные памятники» появился перевод академического издания романа К.

² История немецкой литературы. М., 1965. Т. I; Пинский Л. Е. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 2002; XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969; Пуришев Б. Очерки немецкой литературы XV–XVII вв. М., 1955.

Рейтера «Шельмуфский» под общей редакцией Г. С. Слободкина. Текст этого произведения сопровождался интересным послесловием, включающим в себя литературоведческий анализ романа. Статьи о творчестве К. Рейтера имели фрагментарный характер, отечественные ученые подробно не анализировали жанровое своеобразие романа, образ главного героя и стилистику текста.

Р. М. Самарин в статье «Проблема реализма в западноевропейских литературах XVII века» анализирует ряд испанских, французских, английских и немецких романов, написанных в 1599–1696 гг. Из немецких романов конца XVII столетия он выделяет роман К. Рейтера «Шельмуфский», который литературовед относит к «социальным реалистическим романам конца XVII в.»³.

В 1978 г. Г. И. Федоровой была защищена кандидатская диссертация «Немецкий роман конца XVII века и Иоганн Беер», где исследователь в контексте романов конца XVII столетия рассматривает и произведение К. Рейтера, но анализ романа «Шельмуфский» имеет фрагментарный характер. Диссертант относит сочинение К. Рейтера вместе с другими произведениями конца XVII в. к группе сатирико-бытовых романов.⁴

Актуальность избранной темы связана, прежде всего, с переосмыслением явлений западноевропейской литературы XVII в., которая долгое время находилась «в тени» культуры эпохи Просвещения, с необходимостью восполнения пробелов в изучении и переоценке немецкой литературы прошлых столетий, в том числе творчества К. Рейтера.

Актуальность темы обусловлена также соотносительностью с одним из главных направлений литературоведения – изучением литературного произведения в контексте народной смеховой культуры, с интересом современной науки о литературе к проблемам жанрового своеобразия, путям развития романа, в частности, немецкого романа конца XVII столетия.

Объект изучения составляют роман К. Рейтера «Описание истинных, любопытных и преопасных странствований на воде и на суше Шельмуфского» („Schelmuffskys warhaffrige curiöse und sehr gefährliche Reisebeschreibung zu Wasser und zu Lande“, 1696–1697) и его драматургические произведения «Честная женщина из Плиссина» („L'Honnete Femme, oder Die Ehrliche Frau zu Plißine“, 1695), «Болезнь и кончина честной женщины Шлампампе» („Der ehrlichen Frau Schlampampe Krankheit und Tod“, 1696).

Предмет исследования – преломление традиций западноевропейской народной смеховой культуры в жанровой природе романа К. Рейтера «Шельмуфский», а также при создании образа главного героя произведения.

³ Об этом подробнее см.: Самарин Р. М. Проблема реализма в западноевропейских литературах XVII века // XVII век в мировом литературном процессе. М., 1968.

⁴ Федорова Г. И. Немецкий роман конца XVII века и Иоганн Беер: дис. ... кан. филол. наук. Л., 1978.

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что в ней впервые в отечественном литературоведении рассматривается роман К. Рейтера «Шельмуфский» как самостоятельное и оригинальное произведение, в котором используются традиции западноевропейской смеховой культуры: сюжетно-композиционные черты испанской пикарески, традиции карнавальной культуры, «дурацкой литературы». Для анализа привлечен практически не исследованный в российской филологической науке драматургический материал – ранние комедии К. Рейтера «Честная женщина из Плиссина» и «Болезнь и кончина честной женщины Шлампампе». Впервые прослеживается зарождение и дальнейшая интерпретация образа Шельмуфского не только в контексте творчества К. Рейтера, но и других немецкоязычных авторов Нового времени. Впервые анализируется типологическое родство образов Мюнхгаузена и Шельмуфского, что позволяет рассматривать Шельмуфского как прообраз Мюнхгаузена.

В связи с вышеизложенным **цель исследования** – доказать, что оригинальность образа Шельмуфского следует из плодотворного соединения в одном произведении сюжетно-композиционных черт плутовского романа, традиций карнавальной культуры и «литературы о глупцах».

В соответствии с целью исследования нами были поставлены следующие **задачи**:

1) изучить трансформацию традиций карнавальной культуры в произведении К. Рейтера «Шельмуфский»;

2) раскрыть воздействие особенностей «литературы о глупцах» на книгу К. Рейтера «Шельмуфский»;

3) охарактеризовать влияние жанра испанской пикарески на своеобразие романа К. Рейтера «Шельмуфский»;

4) рассмотреть историю создания образа Шельмуфского в комедиях К. Рейтера «Честная женщина из Плиссина» и «Болезнь и кончина честной женщины Шлампампе»;

5) проанализировать особенности хронотопа в романе К. Рейтера «Шельмуфский»;

6) выявить «шельмуфскианские» мотивы в немецкоязычной литературе XVIII–XIX вв.

Многоаспектный подход к анализу произведения К. Рейтера обусловил использование нескольких **методов исследования**:

1) *биографический* метод позволяет рассмотреть творчество К. Рейтера как отражение и рефлексию его субъективного жизненного опыта;

2) *историко-теоретический* метод⁵ помогает проанализировать роман К. Рейтера «Шельмуфский» как новаторское оригинальное произведение;

3) *сравнительно-типологический* метод дает возможность исследовать своеобразие функционирования соответствующих традиций (карнавальной культуры, «литера-

⁵ Луков В. А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. М., 2003. С. 7.

туры о глупцах», испанского плутовского романа) в романе К. Рейтера путем сопоставления этого произведения с традиционными историческими и национальными образцами;

4) *историко-генетический метод* позволяет выявить причины появления романа К. Рейтера «Шельмуфский».

Теоретической основой послужили работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные общим вопросам теории литературы и карнавальной культуры: М. М. Бахтина, А. Н. Веселовского, А. Я. Гуревича, В. П. Даркевича, В. В. Кожина, В. Ф. Колязина, В. А. Лукова, Е. М. Мелетинского, Л. Е. Пинского, В. А. Пронина, М. Ю. Реутина, Н. Д. Тамарченко, Н. Б. Томашевского, А. Л. Штейна, М. Вегнера, Б. Кеннекара, У. Шульца и др. К исследованию также привлеклись работы отечественных и зарубежных литературоведов, посвященные истории немецкой литературы XVII в. и творчеству К. Рейтера: Ю. Б. Виппера, А. А. Морозова, Б. И. Пуришева, Г. С. Слободкина, Г. И. Федоровой, Г. Борхердта, Э. Веллера, К. Гедеке, Т. Германа, В. Гехта, Э. Кона, Г. Мюллера, Й. Риссе, К. Тобера, Ф. Царнке, Ф. Й. Шнейдера и др., труды литературоведов, анализирующих жанр плутовского романа: Ю. Е. Берновой, Л. И. Пастушенко, С. И. Пискуновой, Л. Е. Пинского, Н. Т. Пахсарьян, Ю. К. Тальвета и др.

Теоретическая значимость диссертационного исследования связана с рассмотрением романа «Шельмуфский» в контексте западноевропейской народной смеховой культуры, а героя романа с точки зрения архетипа «дурак – шут – плут», его образ анализируется с позиций карнавальных мотивов с опорой на сюжетно-композиционные черты испанской пикарески и традиции «литературы о глупцах». Предложенная методика анализа и выводы по работе послужат для дальнейшего изучения традиций западноевропейской народной смеховой культуры в литературном процессе последующих эпох.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы могут быть использованы в учебных курсах по истории зарубежной литературы XVII в.; по истории немецкой литературы; для разработки спецкурсов и спецсеминаров, посвященных теории и истории немецкого романа конца XVII в.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры зарубежной литературы ННГУ им. Н. И. Лобачевского. По теме исследования были прочитаны доклады на международных научных конференциях «Пуришевские чтения» (Москва, 2005, 2007, 2009, 2010), «Ручьевские чтения» (Магнитогорск, 2007), «Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах» (Волгоград, 2006); на внутривузовской научно-практической конференции (Магнитогорск, 2005); на VIII Поволжском научно-методическом семинаре по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла (Нижний Новгород, 2013). Основные положения работы изложены в 13 публикациях.

Положения, выносимые на защиту. В результате проведенного анализа романа К. Рейтера «Шельмуфский» и обзора литературоведческих работ складывается концепция, раскрывающая тему диссертационного исследования. Основные положения этой концепции следующие:

1. Роман К. Рейтера «Шельмуфский», как и многие западноевропейские произведения, испытал на себе воздействие традиций карнавальской культуры. Писатель использовал в своей книге карнавальные мотивы, связанные с материально-телесными аспектами человеческой жизни и обличающие шутовскую сущность главного героя (мотивы «пищевой чрезмерности», агрессивности, «избрания – увенчания – развенчания – умерщвления карнавального короля», перевоплощения). К. Рейтер реконструировал последовательность карнавальных шествий (Шельмуфский частично проходит тот же путь, что и карнавальный шут) и карнавальные атрибуты (шутовские реквизиты и одежда). Шельмуфский, как и карнавальный шут, – фигура медиативная. Он имеет двойное толкование: действуя по «разумению», он сближается с образом плута, а совершая поступки по «глупости», без определенного умысла, – с дураком/глупцом.

2. Шельмуфский – персонаж, испытавший на себе воздействие немецкой литературной традиции («литература о глупцах») на уровне идейного и образного содержания. Главная сатирическая задача автора «Шельмуфского» – обличение пороков, порожденных человеческой глупостью (ложь, необразованность мещан, разврат аристократов, восхваление глупцов), что повторяет средневековые идеи дидактического характера (ср. С. Брант «Корабль дураков», Эразм Роттердамский «Похвала глупости» и др.). В образе Шельмуфского обнаруживается типичная черта глупца: невежество, порожденное ложью. Шельмуфский – это не только порочный мещанин, изображающий аристократа, но и глупый паяц. Шутовские проделки характеризуют героя как шута, а необразованность выдает в нем глупца. Когда К. Рейтер стремится к «теплому» юмору, следуя традициям юмористических народных и авторских произведений (фастнахтшпили, шванки), герой – шут, а когда разоблачает и обличает пороки современного ему общества – глупец.

3. Произведение К. Рейтера «Шельмуфский» восходит к жанровой традиции испанской пикарески. К. Рейтер рассматривает этот жанр как определенный образец, заимствуя основные сюжетно-композиционные черты испанского плутовского романа (повествование от первого лица; плутовская игра повествованием; принцип «нанизывания эпизодов», начиная с рождения Шельмуфского; открытый финал, позволяющий продолжить приключения плута; использование двойной перспективы (действие и рассказ о нем; цепочка случайных событий)). Шельмуфский живет в двух мирах. Мир реальный опирается на хронотоп авантюрно-плутовского романа, а мир идеальный – на хронотоп авантюрного романа испытания. Мир идеальный изображает героя как мечтателя. Мир реальный показывает его как грубого мещанина. Отличие рейтеровского

героя от пикаро в том, что Шельмуфский – балагур, не преследующий никаких меркантильных целей. Жизненные скитания не воспитывают в нем характер плута.

4. Творчество К. Рейтера – «шельмуфскиада» (термин Г. С. Слободкина).⁶ Начиная свой писательский путь как драматург, К. Рейтер вводит в ранние комедии прототипы из своей реальной жизни. Автор в образе Шельмуфского создает социально обусловленный тип «мещанина во дворянстве». Образ лгуна Шельмуфского используется писателем, начиная с первых комедий «Честная женщина из Плиссина» и «Болезнь и кончина честной женщины Шлампампе», а художественную завершенность и оригинальность образ Шельмуфского приобретает в одноименном произведении. Специфичность главного героя была взята за художественную основу многими писателями XVIII–XIX вв. Й. Страницкий использовал различные реминисценции из романа «Шельмуфский». Гейдельбергские романтики (А. фон Арним, К. Brentano, Й. Эйхендорф) попытались «реанимировать» образ Шельмуфского в контексте романтизма. Г. А. Бюргер, базируясь на традициях романа «Шельмуфский», создает типологически схожий образ героя-лгуна Мюнхгаузена.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (немецкая)» и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п.2 – периодизация мирового литературного процесса, проблемы стадиальности в эволюции литератур Запада и Востока, этапы развития ведущих национальных зарубежных литератур; п.4 – история и типология литературных направлений, видов художественного сознания, жанров, стилей, устойчивых образов прозы, поэзии, драмы и публицистики, находящих выражение в творчестве отдельных представителей и писательских группах; п.6 – взаимодействие и взаимовлияние национальных литератур, их контактные и генетические связи.

Достоверность выводов основана, прежде всего, на результатах досконального анализа творческой деятельности К. Рейтера, его идейно-эстетических представлений, а также преемственной связи творчества немецкого автора с традицией карнавальной культуры, «литературы о глупцах» и испанского плутовского романа. Степень достоверности результатов исследования обусловлена использованием современных подходов к анализу литературного материала и обобщением широкого круга историко-литературных и теоретических трудов.

Цель и задачи диссертации определяют ее **структуру и объем**. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего 332 наименования, из них 129 источников на иностранных языках.

⁶ Слободкин Г. С. Кристиан Рейтер и его «Шельмуфский» // К. Рейтер. Шельмуфский. М., 1972. С. 195.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* предпринят краткий обзор истории вопроса, который позволил обосновать актуальность поставленной научной проблемы, определить научную новизну, установить цель исследования и задачи, обозначить теоретическую базу, охарактеризовать методы исследования, теоретическую и практическую значимость, принцип отбора материала, положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Роман К. Рейтера и образ главного героя в контексте западноевропейской культурной и литературной традиции» представляет собой анализ литературной критики, посвященной карнавалу и народной смеховой культуре. Рассматривается роман К. Рейтера «Шельмуфский» в контексте карнавальных традиций и образов, литературы о глупцах и испанского плутовского романа.

В *первом параграфе «Карнавальные традиции в контексте народной смеховой культуры и их влияние на западноевропейскую литературу»* исследуются теоретические работы о карнавале и смеховых началах средневековой культуры, связанных с карнавальными празднествами. Мировоззренческие ценности карнавала и сопоставление различных смеховых традиций позволяют воссоздать целостное представление о данной эпохе и влиянии ее традиций на развитие литературного процесса Западной Европы.

Изучению карнавальной культуры в Германии посвящено множество фундаментальных исследований, ученые рассматривают ее с точки зрения различных концепций и подходов (историко-культурного, антропологического, теологического, театрального, фольклористического и др.).⁷ Труды немецкоязычных авторов помогли нам рассмотреть трансформацию карнавальных традиций на немецком литературном материале. На немецкой почве европейские карнавальные традиции обрели новый аспект взаимодействия с литературным процессом Германии, что отразилось на художественных образцах последующих эпох, в частности, на романе К. Рейтера «Шельмуфский».

Важную роль в целостном осмыслении выбранной проблемы и разработке теории карнавала сыграли результаты исследований М. Бахтина, А. Бенифанда, А. Бузгалина, Л. Булавки, А. Гуревича, К. Жигульского, А. Мазаева, Н. Хренова.

При изучении генезиса карнавала как формы праздничной культуры и обосновании закономерностей в его развитии мы опирались на работы Л. Абрамяна, А. Анисимова, С. Аничкова, В. Даркевича, А. Еремеева, В. Колязина, Л. Леви-Брюлля, К. Леви-

⁷ В своем исследовании мы опирались на работы немецких ученых, посвященные проблемам карнавала и карнавальной культуры: Moser D. R. Fastnacht – Fasching – Karneval. Das Fest der „Verkehrten Welt“. Köln, 1986; Das Fest. Eine Kulturgeschichte von der Antike bis zur Gegenwart / hrsg. von Uwe Schultz. München, 1988. S. 65–87; Flögel K. F. Geschichte der Hoffnarren. Liegnitz, 1789; Flögel K. F. Ebeling Fr. W. Geschichte des Grotesk-Kömischen. Leipzig, 1862.

Строса, В. Лях, А. Ляшок, А. Пиотровского, М. Реутина, М. Рюминой, И. Снегирева, С. Токарева, В. Топорова, Д. Угриновича, А. Флиера, Дж. Фрезера, И. Шароева, С. Шаумяна, К. Юнга и др.

Монография М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» явилась одним из первых в отечественном литературоведении опытов анализа структуры карнавального смеха и его интерпретации в художественном произведении. Несмотря на критику «смеховой» теории, именно она лежит в основе большинства современных исследований.

Но следует не забывать о том, что русская школа карнаваловедения, представленная М. М. Бахтиным и его последователями, расходится с немецкой. Данное противоречие выявилось после выхода в Германии книги М. М. Бахтина о народной смеховой культуре эпохи Возрождения и карнавале. Немецкие исследователи во главе с лидером школы «карнаваловедения» Д. Р. Мозером не приняли бахтинского понимания низовой смеховой культуры, основывающегося на идее наличия в классовом обществе двух культур, критиковали его за то, что он представил некую теорию карнавала, не дав ее истории. Оппонент М. М. Бахтина – отечественный исследователь А. Я. Гуревич называл бахтинскую концепцию «мифологией карнавала и смеховой культуры», а не историей.

Карнавал в немецкой школе «карнаваловедения» – церковный праздник, которому присуще выявление христианского смысла и подтекста основных карнавальных форм и символов, а в понимании М. М. Бахтина – это противоречие образа шута и площадного духа с церковно-государственными догматами. Немецкая школа делает упор на описание и анализ карнавала, а М. М. Бахтин выявляет основные мотивы народной культуры. Немецкий ученый Д. Т. Мозер среди образов карнавала выделяет искusstелей, властителей, мирян, шутов и грешников, отечественные ученые (М. М. Бахтин, М. Ю. Реутин и др.) в своих трактовках карнавальных образов анализируют архетип «дурак – шут – плут». Опираясь на немецкую традицию изучения карнавала и используя накопленный в ее русле опыт, мы, тем не менее, считаем, что плодотворными для нашего исследования стали такие аспекты теории М. М. Бахтина и его последователей, как архетип «дурак – шут – плут» и само определение карнавальных мотивов.

Западноевропейский карнавал достигает наивысшей точки своего расцвета в эпоху Позднего Средневековья. Шутовские праздники были положены в основу собственно карнавала. Главным героем карнавальных шествий является шут. Собственно карнавал стал прародителем архетипа «дурак – шут – плут» (термин М. Ю. Реутина). Шут – медиативная фигура. В литературных текстах он является посредником между образами дурака и плута, совмещает в себе их ослабленные качества: когда шут сознательно прибегает к пародии – он ближе к плуту, когда бессознательно, «по неразум-

нию» – ближе к дураку/глупцу. В истории литературы образы карнавальных шутов интерпретировались в разных вариантах (У. Шекспир, Эразм Роттердамский, Ф. Рабле и др.). Не избежал этого и К. Рейтер, образ Шельмуфского можно трактовать с трех позиций: непонимающая глупость раскрывает в нем дурака/глупца, веселый обман (с определенными оговорками) характеризует в нем плута, а пародийная издевка выявляет шута.

Наряду с образами карнавального мира автор «Шельмуфского» интерпретирует карнавальные мотивы. В романе их можно обозначить как повторяющиеся элементы повествования, которые в течение длительного периода развития литературы пронизывали целый ряд произведений в рамках изучаемого временного отрезка. Они затрагивают как тему произведения, так и его сюжет. При этом оказываются важными не формальные признаки мотива, а его функции.

Итак, литературный процесс как постоянно меняющееся явление предполагает не только отмирание старых форм и появление новых приемов, но и череду возрождений старых, забытых и потерянных художественных традиций, поэтому можно говорить о том, что роман К. Рейтера «Шельмуфский» основывался на культурных и литературных тенденциях прошлых столетий.

Во *втором параграфе «Трансформация традиций карнавальной культуры в образе главного героя и в романе К. Рейтера «Шельмуфский»* рассматривается произведение К. Рейтера в контексте карнавальной культуры, а образ Шельмуфского сравнивается с архетипом «дурак – шут – плут».

Традиции карнавальных шествий отразились во многих художественных текстах средневековой Европы в виде мотивов и образов. Наиболее яркое воплощение «мира наыворот» можно найти в книге Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

К. Рейтер интерпретировал карнавальный мотив «пищевой чрезмерности», обращая внимание на чревоугодие шута Шельмуфского и другие пороки героя, связанные с материально-телесными аспектами человеческого жизни. Писатель использовал в своем произведении мотивы агрессивности, «избрания – увенчания – развенчания – умерщвления карнавального короля», перевоплощения, указывающие на шутовское поведение главного героя. В речи Шельмуфского автор показал связь с магическими чертами карнавала (магические ругательства, сквернословие).

Опираясь на карнавальные мотивы, К. Рейтер в своем произведении отходит от карнавальной эстетики. В романе карнавальные традиции не указывают на связь людей с природным циклом бытия, с естеством человека, не предполагают «смех над смехом», а решают иные задачи. Шельмуфский – носитель шутовского характера, раскрывающегося в романе с помощью карнавальных мотивов, особенностей речи героя.

С помощью традиций карнавального мира автор реконструировал последовательность карнавальных шествий. Шельмуфский частично повторял этапы карнавального обряда – шествие шута во главе процессии ряженных верхом на хромо́й лошади (в карнавальном мире осле – символе глупости), «травести́рование» шутовского короля в нищего.

Для придания герою шутовского колорита писатель обращается к системе архетипа «дурак – шут – плут». По внешним атрибутивным и поведенческим характеристикам Шельмуфский – шут, носитель шутовского комизма. Его образ дополняется характерными для шута реквизитами и костюмом: шутовской скипетр (в романе сабля Шельмуфского), одежда (плащ с воротником из символичного для шутовского наряда красного цвета), «дурацкая островерхая шляпа» (шутской колпак, означающий глупость), «портрет на золотой цепи» (символ шутовского самолюбования), длинная колбаса (символ чревоугодия шута).

Итак, можно говорить о том, что роман К. Рейтера испытал на себе влияние традиций карнавального мира (карнавальные мотивы и шутовской образ главного героя). Но в тоже время образ главного героя нельзя назвать только шутовским, выполняющим сугубо шутовские функции. Шельмуфский – фигура медиативная. Он имеет двойную трактовку: действуя по «разумению», умыслу, он сближается с образом плута, а совершая поступки по «глупости», без определенного умысла, – с дураком/глупцом.

В *третьем параграфе «Традиции немецкой литературы о глупцах в образе главного героя и в романе К. Рейтера «Шельмуфский»* представлена точка зрения, согласно которой история образов «литературы о глупцах» („Narrenliteratur“) берет свое начало из рождественских «Праздников дураков», примыкающих к праздникам карнавального цикла. Главным героем «Праздника» являлся карнавальный шут. «Литература о глупцах» – это не только сатирические произведения дидактического характера, написанные в период немецкой Реформации, но и юмористические народные и авторские произведения, представленные шванками, фастнахтшпилями, народными книгами.

К. Рейтер в своем романе «Шельмуфский» опирался на «литературу о глупцах». Следуя традициям шванков, автор «Шельмуфского» сумел уловить их юмористическую направленность и придать юмористически-развлекательный тон своему произведению. Шельмуфский, как и хвастливые воины, лживые путешественники, описанные авторами в жанре шванка, попадает в глупые и несуразные ситуации, что характеризует его как шута в «дурацком» обличье.

Немецкий писатель основывался и на традициях сатирико-дидактических произведений, представленных в «литературе о глупцах» произведениями С. Бранта «Корабль дураков» и Эразма Роттердамского «Похвала глупости». Из брантовского «Ко-

рабля дураков» немецкий сатирик за художественную основу берет мотив путешествия абстрактных пороков, перенося их на странствования своего героя. Шельмуфский, скитаясь по свету, подобно брантовским героям, показывает и приумножает свои пороки. Опираясь на «Похвалу глупости», писатель использует прием самовосхваления, присущий абстрактной Глупости. Шельмуфский, подобно героине-Глупости Эразма Роттердамского, не устает восхвалять свои «достоинства» и «добродетели».

Следуя за традицией «теплого» юмора Г. Сакса, К. Рейтер старался смягчить сатиру своего произведения. В романе в духе карнавального фастнахтшпиля сатирик высмеивал глупое и несуразное поведение героя, тем самым подчеркивая юмористическую основу своего произведения, пытаясь скрыть едкую сатиру, направленную на семейство Мюллер.

Соблюдая традиции «литературы о глупцах», автор использовал прием разоблачения героя другими персонажами, но принципиальным нововведением становится прием «саморазоблачения». В романе главного героя обличают в его глупости не только другие персонажи, но и сам Шельмуфский разоблачает себя, встречаясь с персонажем, похожим по сущности на него. Данный прием автору нужен для того, чтобы еще раз подчеркнуть глупость, невежественность главного героя, который не смог узнать себя в другом персонаже.

Основное новаторство К. Рейтера заключается в том, что он сумел вписать своего героя в контекст «литературы о глупцах». С помощью глупости персонажа автор высмеивал представителей всех сословий своего времени. Функции глупца Шельмуфского в романе представлены в различных вариантах, он не только глупый порочный мещанин, изображающий аристократа, но и «симпатичный» паяц в «дурацком» обличье. В произведении содержится и сатира на сословия XVII в., и юмор, при помощи которого раскрывается сущность главного героя. В зависимости от ситуации и обстоятельств в образе главного героя превалируют черты либо шута, либо порочного глупца: когда автор стремится к «теплому» юмору, Шельмуфский – шут, а когда разоблачает и обличает пороки современного ему общества – порочный глупец.

Произведение К. Рейтера – это не просто собрание анекдотов об одном герое. Комизм шванка, фастнахтшпиля (комизм ситуации) воспринимается не только в контексте определенного героя (его поведения, характера) – ситуация может быть смешной сама по себе. У К. Рейтера комизм строится на мировоззрении героя: смешны не столько эпизоды сами по себе, сколько их отражение в уме глупого Шельмуфского – смешно противоречие между реальным положением героя и его желанием показать себя с идеальной стороны. Именно Шельмуфский скрепляет произведение и придает ему единое целое.

Образ Шельмуфского, в отличие от героев сатирико-дидактической литературы, характеризует не абстрактный порок, а подчеркивает пороки аристократии и буржуазии, поэтому он становится актуальным для Германии конца XVII в.

Итак, осваивая художественные достижения «литературы о глупцах», К. Рейтер сумел придать своему сочинению своеобразие, наполнить актуальным содержанием. Писатель использовал традиции «литературы о глупцах» на уровне идейного и образного содержания. Из нее автор «Шельмуфского» заимствовал и особенности образа глупца (невежество, порожденное ложью).

В *четвертом параграфе «Роман «Шельмуфский» и испанская пикареска: общие черты и различия»* исследуется сочинение К. Рейтера «Шельмуфский» в контексте жанровой традиции испанской пикарески. К. Рейтер при написании книги «Шельмуфский» рассматривает испанский плутовской роман как определенный образец, основываясь на его основных сюжетно-композиционных чертах. Писатель обогащает свое повествование новым художественным смыслом. Он соблюдает ироничный и сатирический тон рассказа для придания «курьезности» историям Шельмуфского. В романе, в отличие от испанской пикарески, отсутствует сплошная линия жизни героя, характеризующаяся биографическими зарисовками. Автор не акцентирует внимание на морально-дидактических размышлениях, скрывая свои мысли и рассуждения за речью и поведением главного героя. Комизм порочного и низменного часто символизирует не саркастический смех плутовского романа, а карнавальный «смех над смехом».

Плутовская сущность героя Шельмуфского не проявляется в романе в полной мере. Шельмуфский и пикаро – разные социальные образы. Цель плутовского романа – воспитание под воздействием жизненных обстоятельств опытного мошенника. Герой К. Рейтера «плутует» не ради материальной выгоды, а ради забавности положения. Судьба часто испытывает Шельмуфского, но не для воспитания в нем характера плута, а с целью придания «пикантности и курьезности» его рассказам.

Итак, в конце XVII в. принято было писать по определенным правилам. И такой «формой», эталоном для К. Рейтера становится испанская пикареска. Поэтому, говоря о своеобразии произведения К. Рейтера, можно отметить, что «Шельмуфский» – роман конца XVII столетия, написанный по образцу испанской пикарески и сохранивший ее отдельные сюжетно-композиционные черты; в романе действует оригинальный образ главного героя, отличающийся от типичного образа плута и базирующийся на традициях карнавальной культуры и «литературы о глупцах».

Вторая глава «Специфика Шельмуфского в творчестве К. Рейтера» отражает особенности появления, развития и интерпретации образа Шельмуфского в творчестве К. Рейтера и других немецкоязычных авторов.

В первом параграфе «Рождение образа Шельмуфского в комедиях К. Рейтера» исследуются ранние комедии писателя «Честная женщина из Плиссина» („L'Honnete Femme, oder Die Ehrliche Frau zu Plißine“, 1695) и «Болезнь и кончина честной женщины Шлампампе» („Der ehrlichen Frau Schlampampe Krankheit und Tod“, 1696). Свою литературную деятельность К. Рейтер начал с драматургического творчества, именно в его ранних комедиях впервые появился образ Шельмуфского, ставший центральным в последующем творчестве, а, в частности, в романе «Шельмуфский».

Ранние комедии писателя очень долго рассматривались не как художественные произведения, представляющие литературную ценность, а как шутка студента, решившего отомстить своей квартирной хозяйке фрау Мюллер (в комедиях – мадам Шлампампе) и ее глупому сыну Евстахию (в пьесах – Шельмуфский).

«Честная женщина из Плиссина» – первая комедия К. Рейтера, где появляется образ Шельмуфского. Здесь К. Рейтер попробовал разоблачить немецкие мещанские нравы конца XVII в. Беря за основу черты комедийного творчества Ж. Б. Мольера, немецкий писатель попытался создать свою комедию, в которой карикатурно изобразил семью фрау Мюллер. Он перенимает из комедии «Смешные жеманницы» не только фарсовую ситуацию с переодеванием, но и социальную сатиру на современное ему общество. К. Рейтер, как и Ж. Б. Мольер, надевает на каждого из героев социальные маски, за которыми они прячут свое мещанское невежество, косность и распущенность нравов. Важнейшим мольеровским влиянием на творчество К. Рейтера, на наш взгляд, является способность автора не просто заметить и констатировать пороки современного общества, но и талантливо их высмеять и обличить. Комедийный образ Шельмуфского, несмотря на определенную статичность, является многоплановым. Из фарса «Смешные жеманницы» немецкий автор смог использовать не только сатиру на сходство нравов французского и немецкого обществ, но и стремление придать языку более утонченный и «приторный» характер, свидетельствующий о «правильности и вежливости». Поэтому герой Шельмуфский несет в себе нравы и поведение немецкого общества, отразившиеся в «галантном» общении, карикатурном искажении немецкой речи, любви ко всему иностранному. «Филологическая» претенциозность Шельмуфского свидетельствует не о принадлежности к высшему свету, как у Ж. Б. Мольера, а о пародии на него. Образ Журдена из пьесы Ж. Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» с образом Шельмуфского роднит проблема разбогатевших буржуа, мечтающих получить дворянский титул. Шельмуфский, как и мольеровский Журден, – мещанин во дворянстве.

Именно при создании «Честной женщины из Плиссина» у немецкого комедиографа впервые появилась задумка использовать и воплотить в литературу образ Шельмуфского. Уже в драматургическом произведении он наделяет своего героя определенным характером, репликами и специфичной речью, позднее использованными в романе

«Шельмуфский». Идея создания своеобразного образа «поразительного враля», с одной стороны, а с другой – героя, помогающего раскрыть мещанскую сущность семьи Шлампампе, была оригинальной.

Вторая комедия драматурга – «Болезнь и кончина честной женщины Шлампампе», где образ Шельмуфского так же, как и в первой комедии, весьма статичен и однообразен. Шельмуфский – персонаж, нужный в ранних комедиях драматургу для того, чтобы подчеркнуть ограниченность, малообразованность мещанства и разоблачить обывательские нравы. Но писатель продолжает работать над своеобразием образа героя. Во второй комедии рейтеровский персонаж реже вступает в диалоги, чаще произносит внутренние монологи, бахвалясь перед собой, не говорит реплик «в сторону». Автор не использует в комедии ремарок, характеризующих героя.

В дальнейшем драматическом творчестве образ Шельмуфского используется в сатирической надгробной речи «В память почившей в бозе честной женщины Шлампампе» („Letztes Denk und Ehrenmal der wieland gewesenen ehrlichen Frau Schlampampe“, 1696), примыкающей к заключительному эпизоду комедии «Болезнь и кончина честной женщины Шлампампе», где образ героя опять показан карикатурно (ему отведена самая постыдная роль петь последнему, обвиняя себя в смерти матери) и эпизодически.

Последняя комедия К. Рейтера – пьеса «Граф Эренфрид» („Graf Ehrenfried“, 1700) – написана уже после романа «Шельмуфский». В образе графа писатель изобразил типологически близкий Шельмуфскому персонаж. Граф Эренфрид – человек, живущий в мире своих фантазий, стремления и возможности его несовместимы, как у Шельмуфского.

Таким образом, говоря об истоках и интерпретации образа Шельмуфского в творчестве К. Рейтера, нужно обозначить следующее: уже в ранних комедиях автор вырисовывает тип хвастуна, «галантного» кавалера и пьяницы. Комедии К. Рейтера, можно сказать, подготовили и определили своеобразие героя будущего романа.

Во *втором параграфе «Особенности хронотопа в романе К. Рейтера «Шельмуфский»* анализируется образ Шельмуфского, который существует в двух мирах. Настоящая жизнь героя протекает в питейных заведениях, где он пропивает свое наследство, а когда заканчиваются деньги, с позором возвращается домой. Виртуальная жизнь персонажа – та, которой он живет в мире своих фантазий. В грезах он представляет себя великим путешественником, сказочно богатым и знатным человеком. Чтобы подробнее проанализировать два мира главного героя романа К. Рейтера, мы обратились к статье М. М. Бахтина «Формы времени и хронотопа в романе». Герой немецкого писателя рассматривается в контексте двух хронотопов: авантюрном и авантюрно-бытовом.

Фантазийной жизни Шельмуфского соответствуют элементы авантюрного хронотопа авантюрного романа испытания. Как подчеркивает М. М. Бахтин, «хронотоп

греческого романа – наиболее абстрактный из больших романых хронотопов».⁸ Именно авантурный хронотоп помог нам рассмотреть выдуманный абстрактный мир героя.

Сочиненный мир рожден в сознании героя и является неподвижным. Фантазийный мир не изменяется, в нем нет глобальных катаклизмов, общественных проблем, он полностью абстрактен, Шельмуфский не заостряет внимания на общественно-политических деталях. В данном мире нет эволюции героя. В вымышленном мире характер Шельмуфского не формируется, в конце произведения он остается таким же весельчаком, что и в начале. Придуманый мир – это цепь случайностей, которые формируются в сознании персонажа. Все его приключения начинаются со слова *вдруг*, сам Шельмуфский абсолютно безынициативен. Он не стремится воплощать свои фантазии в жизнь, ему нравится выдумывать, бравировать перед читателем.

Авантурное время подчеркивает временное зияние в романе. Герой на протяжении своих виртуальных путешествий не стареет, а проходит лишь вымышленные испытания. Цепь авантур происходит в абстрактно чужом мире, где Шельмуфский не голоден, не испытывает нужды, всегда доволен и жизнерадостен, его цель – сочинять красивые и захватывающие истории. В начале романа, когда закручивается цепь авантур, он начинает изобретать свои вымышленные истории, а в конце романа их искусно прерывает, но обещает продолжить вновь.

Встреча с возлюбленными показывает иллюзорность и призрачность мира Шельмуфского. Они нужны ему, прежде всего, для того, чтобы приукрасить свои выдумки «пикантными» подробностями любви. В выдуманном мире Шельмуфского связь пространства и времени носит технический характер, чтобы авантюра могла развернуться, нужно много свободного пространства. В сознании героя пространственные дали не существуют, все решается с помощью фантазии лгуна. Он с легкостью пересекает океаны, моря, оказывается в разных странах за короткий промежуток времени или, наоборот, короткую географическую дистанцию преодолевает годами.

Мотив встречи указывает на случайность, непредсказуемость жизни героя. Все события в его фантазии начинаются именно со встреч с разными персонажами – как вымышленными, так и реальными. С помощью мотива «узнания–неузнания» происходит разоблачение придуманной жизни героя и возвращение его в реальный мир. Шельмуфский в вымышленном мире является героем одиноким. В сочиненном мире у него нет преданных друзей, преданной возлюбленной (граф и Шармант погибают). Все персонажи проходят мимо героя определенным фоном, нужным для развития сюжетного повествования. В реальном мире он совершенно не понят своими родными, мать, брат и тетушки не хотят признавать мир его фантазии, зло высмеивая его приключения.

⁸ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 261.

В авантюрном времени герой показан как путешественник, затерянный в чужом мире. Реальные страны и города (Англия, Голландия, Венеция, Рим, Швеция) превращаются в мечтах Шельмуфского в сказочные государства. Герой-лгун придумывает совершенно не существующие обычаи, описывает абстрактные детали быта, природы стран. Авантюрное время авантюрно-бытового романа помогает раскрыть реальный мир Шельмуфского, оно сливается с «реальным путем странствований-скитаний» (М. М. Бахтин), раскрывается только в самых необычных моментах жизни героя.

Мир реальный показывает героя как грубого мещанина. В реальном мире странствования Шельмуфского можно сравнить с исканиями героя-пикаро. Но основное различие двух героев в том, что Шельмуфский – балагур, не преследующий никаких меркантильных целей. Реальный путь странствований героя начинается тогда, когда он обещает своей матушке вернуться домой «бравым парнем» и выходит на дорогу, по которой пойдет по миру в поисках счастья. Инициатива продолжить путь остается за главным героем. Шельмуфский самостоятельно принимает решение отправиться в странствования, здесь не действует невиданная сила рока. В реальной жизни он описывает тоже два важных события: уход из дома и постыдное возвращение домой в наряде нищего. «Действительность всего (авантюрного) ряда ограничивается образом самого человека и его судьбы <...> связь между судьбой человека и миром носит внешний характер <...> Но в романе имеется и бытовое время».⁹

Бытовое время в романе К. Рейтера неразрывно связано с мотивом дороги, странствий: «Дорога определила сюжеты испанского плутовского романа XVI века (“Ласарильо”, “Гусман”)¹⁰. Действительно, и герой испанской пикарески, и Шельмуфский проходят вместе со странствиями и свой жизненный путь. Судьбоносные встречи героев плутовских романов происходят на «дороге». В пути в реальной жизни Шельмуфский встречается с господином графом, Шармант, многими «знатными господами», Великим Моголом. Все они в невыдуманной жизни разделены социальной иерархией и расстоянием, а дорога «виртуально» сталкивает их и переплетает судьбы. Шельмуфский передвигается по миру не только потому, что он «славный парень и хочет посмотреть свет», – он ищет себя. В данном случае дорога выступает как метафора жизненного пути, на который он (герой) «вползает» из чрева матери на «всех четырех», пройдя по которому он испытывает немыслимые взлеты (до положения второго человека при дворе Могола), немыслимые падения (до нищего оборванца, который должен с позором вернуться домой). Но в отличие от испанских пикаро, герой К. Рейтера не извлекает никаких уроков из своего «мнимого жизненного пути», он так и остается неутомимым бродягой, движимым идеей продолжить свои «преопасные путешествия».

⁹ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 270–271.

¹⁰ Там же. С. 393.

Вполне закономерен финал романа, в котором нищий и ограбленный герой возвращается домой, мечтая продолжить описание своих странствий.

Итак, в произведении К. Рейтера Шельмуфский живет в двух мирах. Мир реальный опирается на хронотоп авантюрно-плутовского романа, а мир идеальный – на хронотоп авантюрного романа испытания. Мир реальный показывает персонажа как грубого мещанина. Мир идеальный изображает его как мечтателя. В данном мире все его беды эпизодичны. Шельмуфского можно считать предвестником романтического героя. Именно в немецком романтизме возник образ героя, живущего в двух мирах. Не случайно Шельмуфский вызвал такой живой интерес и имел популярность у гейдельбергских романтиков.

В *третьем параграфе «Шельмуфскианские» традиции в немецкоязычной литературе XVIII–XIX вв.»* роман «Шельмуфский» анализируется как оригинальное сочинение конца XVII в., которое способствовало возникновению большого количества подражаний (например, произведения Й. Страницкого «Описание веселого путешествия из Зальцбурга в различные страны» и «Немецкий Робинзон или Бернгард Крейц, то есть удивительные жизнеописания одного испорченного юноши» („Lustige Reuß-Beschreibung aus Saltzburg in verschiedene Länder“, 1717)). У К. Рейтера Й. Страницкий в основном заимствует сюжетные линии, но ни один его образ не достиг такой актуальной значимости, как Шельмуфский.

Особое внимание на роман «Шельмуфский» обратили гейдельбергские романтики. Братья Гримм способствовали его модернизированному переизданию. К. Brentano и А. фон Арним (в меньшей степени Й. фон Эйхендорф) активно эксплуатировали образ Шельмуфского в своей художественной деятельности. Й. фон Эйхендорф и К. Brentano использовали отдельные черты Шельмуфского в своих произведениях (речь, характер). Основная заслуга в романтизации и модернизации образа Шельмуфского принадлежит А. фон Арниму – автору сборника новелл «Зимний сад» („Der Wintergarten“, 1809). В новелле «Три круглых дурака (дурня)» („Die drei ärgsten Erznarren“) раскрывается романтизированный образ Шельмуфского.

Г. А. Бюргер в своем произведении «Удивительные странствования на воде и суше, походы и забавные приключения барона Мюнхгаузена» („Wunderbare Reisen zu Wasser und zu Lande. Feldzüge und lustige Abenteuer des Freiherrn von Münchhausen, wie er dieselben bei der Flasche im Zirkel seiner Freundeselbst zu erzählen pflegt“), опираясь на роман К. Рейтера, внесли имя Мюнхгаузена в галерею героев-плутов. Г. А. Бюргер в своем герое отобразил оригинальный обличительный образ дворянина-враля, который типологически был близок образу Шельмуфского К. Рейтера. Мюнхгаузен и Шельмуфский (последний под другой фамилией) имели прототипы в реальной жизни. Охотничьи байки Мюнхгаузена дополнили собственными фантазиями и старыми анекдотами три разных автора – Г. А. Бюргер, Р. Э. Распе, К. Л. Иммерман. Благо-

даря стараниям этих авторов реальный Мюнхгаузен еще при жизни получил прозвище «барон-лгун» (Lügenbaron). Известность барона объяснима тем, что еще до появления «Удивительных путешествий» Мюнхгаузен пользовался широкой известностью в немецких землях как великолепный рассказчик, человек знающий, бывалый, а прототип Шельмуфского не был известен за пределами узкого региона.

В *Заключении* подводятся итоги проведенного исследования. Роман К. Рейтера «Шельмуфский» – оригинальное и новаторское произведение конца XVII в., а образ Шельмуфского – центральный в его творчестве, начиная с ранних комедий. В ходе нашего исследования мы обнаружили культурно-литературные традиции (карнавальные мотивы и образы, «литература о глупцах», испанская пикареска), повлиявшие на своеобразие романа К. Рейтера «Шельмуфский» и его главного героя. Образ Шельмуфского рассмотрен с точки зрения архетипа «дурак – шут – плут». Сочинение К. Рейтера послужило источником для дальнейшей интерпретации образа Шельмуфского в немецкоязычной литературе XVIII–XIX вв.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Научные статьи в *журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК РФ*:

1. Гусева, С.В. «Дурацкая литература» и карнавальный «праздник дураков»: особенности интерпретации традиций, мотивов и образов / С.В. Гусева // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск : Изд-во МаГУ, 2007. – Вып. XVIII. – С. 106 – 112 (0,43 п.л.).

2. Гусева, С.В. Особенности влияния романа К.Рейтера «Шельмуфский» на литературу немецкого романтизма / С.В. Гусева // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск – Новосибирск : Изд-во МаГУ, 2010. – Вып. 3 (29). – С. 208 – 213 (0,38 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

3. Гусева, С.В. «Английская» книга Р. Э. Распэ «Приключения Мюнхгаузена»: немецкий контекст / С.В. Гусева // Английская литература в контексте мирового литературного процесса : тезисы докл. междунар. науч. конф. и XV Съезда англистов, 19–22 сентября 2005 г. / отв. ред. В.Г. Решетов. – Рязань : Изд-во РГПУ, 2005. – 196 с. – ISBN 5 – 88006 – 402 – 6. – С. 35 (0,06 п.л.).

4. Гусева, С.В. «Истинные, любопытные и преопасные» путешествия Шельмуфского / С.В. Гусева // XVII Пуришевские чтения: «Путешествовать – значит жить» (Х.К. Андерсен). Концепт странствия в мировой литературе : сб. материалов междунар. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. Х.К. Андерсена (4–8 апреля 2005 г.) / отв. ред. М.И. Никола. – М. : Изд-во МПГУ, 2005. – 302 с. – ISBN 5 – 89527 – 073 – 5. – С. 57 (0,06 п.л.).

5. Гусева, С.В. Роман К. Рейтера «Шельмуфский»: традиции, образы и новаторство / С.В. Гусева // Наука – Вуз – Школа : сб. науч. тр. молодых исследователей / под

ред. З.М. Уметбаева, А.М. Колобовой. – Магнитогорск : МаГУ, 2005. – Вып. 10. – С. 268 – 272 (0,38 п.л.).

6. Гусева, С.В. Шельмуфский К. Рейтера – немецкий Хлестаков XVII века / С.В. Гусева // Литература в контексте современности : материалы II Междунар. науч. конф. (Челябинск, 25–26 февраля 2005 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Т.Н. Маркова. – Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2005. – Ч. II. – 271 с. – ISBN 5 – 85716 – 600 – 4. – С. 166 – 167 (0,12 п.л.).

7. Гусева, С.В. Роман К. Рейтера «Шельмуфский»: синтез традиций в образе главного героя / С.В. Гусева // Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах : материалы междунар. науч. конф. (Волгоград, 12–15 апреля 2005 г.) / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом РАН), ВолГУ ; отв. ред. О.В. Иншаков. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 840 с. – ISBN 5 – 9669 – 0160 – 0. – С. 646 – 650 (0,31 п.л.).

8. Гусева, С.В. Хлестаков Гоголя и Шельмуфский К. Рейтера: особенности создания образа «Поразительного вряля» / С.В. Гусева // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики. Вопросы филологического образования : материалы рос. науч.-практ. конф. 16–17 февраля 2006 г. / отв. ред. Н.Е. Ерофеева. – Орск : Изд-во ОГТИ, 2006. – 200 с. – ISBN 978 – 5 – 8424 – 0262 – 9. – С. 33 – 35 (0,18 п.л.).

9. Гусева, С.В. Влияние испанских плутовских романов на роман К. Рейтера «Шельмуфский»: особенности жанра и героя / С.В. Гусева // VIII Ручьевские чтения. Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе: исторический, теоретический и методологический аспекты : сб. материалов междунар. науч. конф. / сост., ред. М.М. Полежаева. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2007. – 341 с. – ISBN 978 – 5 – 86781 – 517 – 2. – С. 302 – 304 (0,18 п.л.).

10. Гусева, С.В. «Дурацкая литература» в Германии: основные этапы развития / С.В. Гусева // XIX Пуришевские чтения. Переходные периоды в мировой культуре и литературе : сб. ст. и материалов / отв. ред. М.И. Никола. – М. : Изд-во МПГУ, 2007. – 287 с. – ISBN 978 – 5 – 904215 – 06 – 4. – С. 54 (0,06 п.л.).

11. Гусева, С.В. Театральная постановка комедии «Честная женщина из Плиссина» и роман К. Рейтера «Шельмуфский»: точки соприкосновения / С.В. Гусева // XXI Пуришевские чтения. Взаимодействие литературы с другими видами искусства : сб. ст. и материалов междунар. конф., 8–10 апреля 2009 г. / отв. ред. Е.Н. Черноземова ; ред. кол. Н.П. Михальская [и др.]. – М. : Изд-во МПГУ, 2009. – 249 с. – ISBN 978 – 5 – 904215 – 06 – 4. – С. 201 (0,06 п.л.).

12. Гусева, С.В. Влияние традиций испанского плутовского романа на своеобразие жанра романа К. Рейтера «Шельмуфский» / С.В. Гусева // XXII Пуришевские чтения. История идей в жанровой истории : сб. ст. и материалов междунар. конф., 7–9 апреля 2010 г. / отв. ред. Е.Н. Черноземова. – М. : Изд-во МПГУ, 2010. – 272 с. – ISBN 978 – 5 – 904729 – 02 – 8. – С. 240 (0,06 п.л.).

13. Гусева, С.В. Особенности влияния романа К. Рейтера «Шельмуфский» на гейдельбергских романтиков / С.В. Гусева // XXIII Пуришевские чтения. Зарубежная литература XIX века. Актуальные проблемы изучения : сб. ст. и материалов междунар. конф., 6–7 апреля 2011 г. / отв. ред. Е.Н. Черноземова. – М. : Изд-во МПГУ, 2011. – 204 с. – ISBN 978 – 5 – 904729 – 17 – 2. – С. 194 – 195 (0,12 п.л.).

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 26.06.2013 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 1,00. Уч.-изд. л. 1,00.

Тираж 100 экз. Заказ 232.

Издательство Магнитогорского государственного университета

455038, Магнитогорск, пр. Ленина, 114

Типография МаГУ